

КЛАСИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Рекс
Стаут

ЧЕРНЫЕ ОРХИДЕИ

ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП
ЗАВЕЩАНИЕ
ЧЕРНЫЕ ОРХИДЕИ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 78

Rex Stout
OVER MY DEAD BODY
Copyright © 1939 by Rex Stout
WHERE THERE'S A WILL
Copyright © 1940 by Rex Stout
BLACK ORCHIDS
Copyright © 1942 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Александра Санина и Ольги Траубенберг, Елены Копосовой,
Анны Голосовской, Максима Гресько

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. В. Санин, перевод, 1994
© О. Г. Траубенберг, перевод, 1994
© Е. А. Копосова, перевод, 2014
© А. Ю. Голосовская, перевод, 1991
© М. А. Гресько, перевод, 1991
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-14531-3

**ТОЛЬКО
ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП**

ГЛАВА 1

В дверь позвонили. Я вышел в прихожую и, открыв дверь, увидел незнакомую девушку. Я поздоровался.

— Пжалста, — сказала девушка, — мне бы повидать мистера Ниро Вулфа.

Может, она произнесла не «пжалста», а «пажалуста» или «пажалста». Как бы то ни было, говор ее даже отдаленно не напоминал речь Среднего Запада или Новой Англии, не говоря уже о Парк-авеню и тем более Ист-Сайде. Само собой, такое явно не американское произношение несколько резало мне слух. Тем не менее я вежливо пригласил ее войти, провел в кабинет и, усадив в кресло, с трудом выудил из нее имя — пришлось спрашивать его по буквам.

— До одиннадцати часов мистер Вулф занят, — сообщил я, попутно бросив взгляд на настенные часы над моим письменным столом. Часы показывали половину одиннадцатого. — Я Арчи Гудвин, личный секретарь и помощник мистера Вулфа. Чтобы не терять времени даром, вы можете начать...

Она покачала головой и заявила, что время у нее есть. И я предложил ей полистать журнал или книгу, но она снова отказалась. Тогда я оставил ее в покое и вернулся к прерванному занятию: до ее прихода я сидел за столом, приводя в порядок картотеку скрещивания орхидей, которую успел изрядно запустить. Минут пять спустя, уже заканчивая работу, я услышал за спиной голос:

— Впрочем, пожалуй, я и впрямь не откажусь от какой-нибудь книжки. Можно?

Я указал посетительнице на книжные полки, предоставив самой выбирать по своему вкусу, и вернулся к прерванному

занятию. Когда, минуто спустя, я снова поднял глаза, она уже с книгой в руках стояла около меня.

— Мистур Вулф читает ее? — спросила она.

Ее тихий и низкий голос звучал бы вполне даже приятно, потрудись она выучить, как правильно произносить слова. Я взглянул на корешок и ответил, что в свое время Вулф эту книгу уже прочитал.

— Но он ее стадирует?

— С какой стати? Он же гений, а гению вовсе не пристало что-либо штудировать.

— Ему достаточно прочитать книгу один раз, чтобы все усвоить?

— Совершенно верно.

Девушка направилась к своему креслу, но вдруг обернулась:

— Может, вы ее читаете?

— Нет! — отрезал я.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Что, история Балкан для вас слишком сложна?

— Не знаю, никогда ею не занимался. Насколько мне известно, всех королей и королев там убивают как мух. А про убийства мне куда интереснее читать в газете.

Улыбка мигом исчезла. Посетительница опустила в кресло и, похоже, целиком погрузилась в чтение. Я закончил возиться с карточками, аккуратно сложил их в стопку и отчалил в оранжерею. Преодолев два пролета покрытой ковровой дорожкой лестницы, я забрался на последний этаж, а оттуда вскарабкался по крутым ступенькам под самую крышу. Вся оранжерея, кроме питомника и каморки, в которой спал Хорстман, была застеклена. Протопав через первых два помещения между серебристыми стеллажами и бетонными скамьями, уставленными десятью тысячами цветочных горшков, в которых чего только не было, от нежной рассады до одонтоглоссумов и дендробиумов в полном цвету, я отыскал Ниро Вулфа в термальной. Уперев в бока большие пальцы и насупившись, он смотрел на Хорстмана, который, в свою очередь, хмуро и укоризненно пялился на огромный цветок целогины с белыми лепестками и оранжевой губой. Вулф бормотал:

— Целых две недели коту под хвост. Ну по крайней мере двенадцать дней. Если все дело в стимуляции... Чего тебе, Арчи?

Я протянул Хорстману карточки:

— Вот данные по мильгонию и ликасте. Даты прорастания у вас уже есть. Между прочим, внизу сидит некая чужестранка, желающая позаимствовать у вас книгу. Ей примерно двадцать два года, и у нее чудесные ножки. Лицо хотя и угрюмое, но вполне смазливое, глаза красивые и темные, но встревоженные. Да, еще у нее прекрасный голос, но говорит она прямо как Линн Фонтэнн вроде бы в «Восторге идиота». Тютелька в тютельку. Зовут ее Карла Ловчен.

Вулф взял у Хорстмана карточки, собираясь их просмотреть, но вдруг встрепенулся и бросил на меня острый взгляд.

— Как ты сказал? — резко спросил он. — Карла?..

— Ловчен. — Я произнес фамилию по буквам и ухмыльнулся. — Я вас понимаю, меня это тоже сразу поразило. Может, вы помните, что я читал «Возвращение на родину». Похоже, ее назвали в честь горы. Черная гора. Гора Ловчен. Черногория. Монтенегро, венецианский вариант Монтенеро, горы Нерона, а ведь вас по большому счету тоже должны звать Нерон¹. Возможно, это просто совпадение, но для такого опытного сыщика, как я, не составило труда...

— Что ей нужно?

— Говорит, пришла поговорить с вами, но, по-моему, просто хочет позаимствовать у вас книгу. Она достала с полки «Объединенную Югославию» Хендерсона и спросила, читаете ли вы ее и не «стадируете» ли и не читаю ли ее я и так далее. А сейчас она сидит в кабинете, уткнувшись в книгу своим хорошеньким носиком. Только вот глаза у нее слишком обеспокоенные. Меня так и подмывало сказать ей, что ваш банковский счет в полном порядке и вы вряд ли согласитесь взяться... — Я запнулся.

Вулф не слушал меня, притворившись, будто усиленно изучает принесенные мной карточки. Чистое ребячество, ведь

¹ Имя Вулфа в переводе с английского означает Нерон. — *Здесь и далее примеч. перев.*

до одиннадцати оставалось всего ничего, каких-то три минуты, а ровно в этот час Вулф неукоснительно спускался из оранжевой в рабочий кабинет. Поэтому я неодобрительно фыркнул, отвернулся и устремился в обратный путь.

Чужестранка по-прежнему читала, сидя в кресле, но уже не книгу, а журнал. Я поискал глазами книгу, желая водворить ее на место, но, оказывается, Карла Ловчен меня опередила. Томик стоял там, где и раньше. Я мысленно похвалил девушку: в наши дни подобную аккуратность встретишь не часто. Я сказал ей, что Вулф вот-вот спустится, и не успел расчистить письменный стол и водрузить на него пишущую машинку, как услышал клацанье двери личного лифта моего шефа, а мгновение спустя сам Вулф вошел в кабинет и грузно протопал прямо к своему рабочему столу. Не дойдя до него какого-нибудь шага, Вулф попридержал свой аллюр и соизволил заметить посетительницу, поприветствовав ее еле заметным кивком, при этом его голова нагнулась от силы на один градус. Затем Вулф добрался до своего кресла, взгромоздился на него, бросил взгляд на вазу с каттлеями, а затем на утреннюю почту, лежащую под пресс-папье у него на столе, надавил большим пальцем на звонок, чтобы Фриц принес пива, и, откинувшись в кресле поудобнее, вздохнул. Девушка тем временем закрыла журнал, лежавший у нее на коленях, и пристально разглядывала Вулфа сквозь длинные полупущенные ресницы.

— Ловчен, говорите? — отрывисто бросил Вулф. — Это не ваша фамилия. Таких фамилий нет.

Ее ресницы чуть дрогнули.

— Я сама ее выбрала, — слегка улыбнувшись, ответила девушка. — Так мне удобнее. Сами посудите, стоит ли раздражать американцев фамилией вроде Кральевич?

— Так ваша фамилия Кральевич?

— Нет.

— Впрочем, это не имеет значения. — По какой-то непонятной для меня причине Вулф казался раздосадованным. — Вы пришли, чтобы повидаться со мной?

Мисс Ловчен негромко рассмеялась:

— Вы говорите прямо как монтенегрец. Или черногорец, если вам, как и всем американцам, больше нравится такое название. Правда, вы не очень похожи на жителя Черногории, ведь наши люди растут больше вверх, а не вширь, как вы. Зато, когда вы говорите, я чувствую себя как дома. Именно так черногорцы и обращаются к девушке. Это из-за того, чем вы питаетесь?

Я отвернулся, пряча ухмылку, а Вулф прогромыхал:

— Чем я могу вам помочь, мисс Ловчен?

— Ах да. — В ее глазах опять отразилась тревога. — Стоило мне вас увидеть, как я забыла все на свете. Я, конечно, слышана о вас, только вы совсем не похожи на знаменитость. Вы больше похожи на... — Она замялась, потом сложила губки бантиком и продолжила: — Ну, все равно, просто вы очень известны и когда-то жили в Черногории. Как видите, я немало знаю о вас, *Hvala Bogu*. Так вот, я хочу нанять вас из-за одной крупной неприятности.

— К сожалению, я не...

— Это вовсе не у меня неприятности, — быстро пояснила девушка. — Дело касается моей подруги, которая не так давно приехала в Америку. Ее зовут Нея Тормич. — Длинные черные ресницы затрепетали. — А я Карла Ловчен. Мы вместе работаем в школе Николы Милтана на Сорок восьмой улице. Может, знаете? Школа танцев и фехтования. Не слышали?

— Мы встречались с Милтаном, — ворчливо ответил Вулф. — За столом у моего друга Марко Вукчича. Но боюсь, в настоящее время я слишком занят...

Девушка даже бровью не повела.

— Мы с Неей хорошие фехтовальщицы, — затараторила она. — Фехтовать мы учились в Загребе у самого Корсини — на рапирах, саблях и шпагах. Ну а уж танцы — это совсем просто. Ламбет-уок мы освоили минут за двадцать, а богачей обучаем ему уже за пять уроков, причем за вполне приличную плату. Правда, расплачиваются они с Николой Милтаном, а нам перепадают уже какие-то крохи. Поэтому сейчас, когда Нея влипла в эту дурацкую историю, мы не можем себе поз-

волить заплатить вам так же много, как некоторые другие. Хотя кое-что заплатим. К тому же мы ведь как-никак из Загреба. Так вот, беда, в которую попала Нея, нешуточная, хотя Нея совершенно ни в чем не виновата, она ведь не какая-нибудь воровка, как думают эти простофили-американцы. Но ее могут посадить в тюрьму, так что, пжалста, поторопитесь...

Вулф скривился, всем своим видом показывая, как ему, при его стойком отвращении к работе, невыносимы подобные угловоры, да еще когда счет в банке исчисляется пятизначной цифрой. Пытаясь остановить поток слов посетительницы, он заговорил увещевающим тоном:

— К сожалению, я сейчас слишком занят...

Карла Ловчен пропустила его слова мимо ушей:

— Я пришла к вам вместо Неи, потому что у нее сегодня очень ответственный урок, а нам с ней во что бы то ни стало необходимо сохранить эту работу. Но конечно, вам нужно встретиться с ней самой, поэтому вы должны отправиться в школу Милтана. Он как раз назначил сегодня общую встречу, чтобы разобраться со случившимся. Ведь большей нелепицы и вообразить нельзя: заподозрить Нею, что она способна залезть кому-то в карман и украсть бриллианты! Но мне даже страшно подумать, если все закончится тем, что предрекает Милтан... Если бриллианты не возвратят... Впрочем, постойте, я же должна вам рассказать...

Я разинул рот от изумления. Обычно, проведя два часа на ногах в оранжерее, Вулф спускается в одиннадцать утра в кабинет, устраивается в кресле за столом и, благосклонно прислушиваясь к моим мелким колкостям, воздаст должное свежему пиву. Сдвинуть его с места в это время можно с таким же успехом, как десятитонный валун. И вдруг у меня на глазах он приподнялся... И — встал! С неясным бормотанием, которое можно было принять и за извинения, и за проклятия, не взглянув ни на посетительницу, ни на меня, он прошествовал вон из кабинета через дверь, ведущую в прихожую. Мы только проводили его взглядом, после чего Карла Ловчен повернулась ко мне. Я заметил, что глаза ее широко раскрыты.

— Он что, заболел? — резко спросила она.

Я покачал головой и пояснил:

— Вулф чудаковат. Вполне типичная для него выходка, хотя со стороны может и впрямь показаться, что он нездоров. Впрочем, его недуг не имеет ничего общего с сотрясением мозга или, скажем, с коклюшем. Однажды, когда в том кресле, где вы сейчас сидите, расположился один весьма уважаемый юрист... Что, Фриц?

Дверь, которую захлопнул за собой Вулф, открылась снова, и на пороге возник Фриц Бреннер. Судя по его лицу, он был сбит с толку.

— Пожалуйста, Арчи, загляни на минутку в кухню.

Я поднялся и, извинившись, вышел. В кухне на большом, покрытом клеенкой столе лежали заготовленные к ланчу продукты, однако Ниро Вулф торчал там, обуреваемый отнюдь не внезапно вспыхнувшим любопытством к приготовлению пицци. Он монументально возвышался за холодильником, с лицом, описать которое я не берусь.

— Выпроводи ее! — проревел он, едва я переступил порог кухни.

— О господи! — Честно говоря, я и сам слегка раскипятился. — Она ведь пообещала, что кое-что заплатит. Перед такими словами и аллигатор оттаял бы! Если вы по ее глазам прочли, что ее подруга Нея и в самом деле стибрила те стекляшки, то могли бы, по крайней мере...

— Арчи! — Настолько взбешенным я видел Вулфа едва ли не впервые. — Лишь единожды в жизни мне пришлось улепетывать со всех ног — между прочим, от дамы, причем именно из Черногории. Это случилось много лет назад, но до сих пор каждая клеточка в моем теле помнит этот кошмар как наяву. Я просто не в состоянии описать, какие чувства охватили меня в ту минуту, когда эта черногорка нежным голосом проблеяла: «Nvala Vogu». Выставь ее!

— Но ведь она не...

— Арчи!

Я понял, что препираться с Вулфом безнадежно, хотя понятия не имел, на самом деле он настолько перетрусил или

просто юродствует. Я плюнул на все и, вернувшись в кабинет, остановился перед девушкой:

— Мистер Вулф очень сожалеет, но он не сможет помочь вашей подруге. Он слишком занят.

Карла Ловчен слегка откинула голову и недоуменно уставилась на меня. Дыхание ее участилось, а рот приоткрылся.

— Как — не сможет? — пролепетала она. — Нет, он должен!

Она вскочила, и я отступил на шаг под ее сверкающим взглядом.

— Мы же из Черногории! Нея... моя подруга... она... — Недоумение просто душило ее.

— Решение окончательно и обжалованию не подлежит, — бесцеремонно оборвал ее я. — Он не хочет браться за ваше дело. Иногда мне удается его переубедить, но всему бывает предел. Кстати, что означает «Hvala Bogu»?

Она недоуменно посмотрела на меня:

— Это значит «Слава Богу». Если я его не увижу, передайте ему...

— Не стоило вам произносить эти слова. Когда черногорка говорит по-черногорски, он с ног до головы покрывается мурашками. Нечто вроде аллергии. Простите, мисс Ловчен, но у вас ничего не получится. Я его знаю от «А» до «У» как облупленного. «У» для него — последняя буква алфавита. Она означает «упрямый как осел».

— Но он... Мне необходимо повидаться с ним, скажите ему...

Упрямства девушке оказалось не занимать. Битых пять минут я уговаривал ее уйти. Мне вовсе не улыбалось прослыть грубияном, ведь если не считать немислимого произношения, резавшего мой тонкий слух, то ничего против черногорских барышень я не имел. Наконец я закрыл за ней дверь и, вернувшись в кухню, язвительно провозгласил:

— Думаю, опасность почти миновала. Следуйте за мной не отставая, но, если я вдруг заору благим матом, бегите, словно за вами черти гонятся.

Раздавшийся в ответ грозный рык напомнил мне, на какую опасную стезю я ступил, поэтому пару минут спустя, когда

Вулф вернулся в кабинет и вновь воцарился в своем кресле, я даже словом не обмолвился, чтобы отстоять свою точку зрения. Вулф молча пил пиво и ковырялся в стопке каталогов, а я проверял накладные от Хёна и делал еще кое-какую привычную работу. Чуть позже, когда Вулф попросил меня приоткрыть окно, я понял, что скандалист уже немножко поостыл.

Напрасно мы — или кто-то из нас — думали, что на сегодня с Балканами покончено. После одиннадцати часов, когда я захожусь вместе с Вулфом в кабинете, входную дверь посетителям обычно открывает Фриц. Примерно в половине первого он вошел в кабинет и, сделав положенные три шага, объявил о приходе посетителя, который назвался Шталем, а насчет рода своих занятий сказал лишь, что служит в Федеральном бюро расследований.

Я тихонько присвистнул и уважительно произнес:

— Ого!

Вулф слегка приоткрыл глаза и кивнул — сигнал Фрицу впустить посетителя.

По роду своей деятельности нам еще не приходилось сталкиваться с агентом ФБР, и когда тот вошел, я удостоил его высочайшей чести, развернув свой стул на целых сто восемьдесят градусов. Вошедший был субъект как субъект, невысокий, широкоплечий, с умными живыми глазами; пожалуй, только подбородок его немного подкачал, да и ботинки не мешало бы вычистить. Он еще раз представился, пожал руки мне и Вулфу, вынул из кармана кожаный бумажник, небрежно открыл его и улыбнулся Вулфу сдержанно, но дружелюбно.

— Вот, пожалуйста, мое удостоверение, — произнес он хорошо поставленным голосом.

Он вообще отличался прекрасными манерами, словно благовоспитанный страховой агент. Вулф мельком взглянул на удостоверение, кивнул и указал на кресло:

— Чему обязан, сэр?

Казалось, вид у фэбээровца был извиняющийся.

— Простите за беспокойство, мистер Вулф, но служба есть служба. Я хотел бы спросить у вас, знакомы ли вы с федераль-

ным законом, недавно вошедшим в силу, согласно которому лица, представляющие интересы каких-либо зарубежных ведомств, должны регистрироваться в Госдепартаменте?

— Да, знаком, хотя и не слишком близко. Я знаю о нем из газет, прочитал не так давно.

— Значит, вам известна его суть?

— Да.

— Вы зарегистрировались, как там сказано?

— Нет. Я же не агент какого-либо зарубежного ведомства.

Фэбээровец закинул ногу на ногу.

— Закон действует по отношению к представителям любых иностранных фирм, частных лиц и организаций, а также зарубежных правительств.

— Именно так я и понял.

— Он применим как к приезжим, так и к гражданам США.

Вы гражданин Соединенных Штатов?

— Да. Я здесь родился.

— Вы состояли какое-то время на службе у австрийского правительства?

— Да, очень короткое время, еще в юности. Но тогда я жил не здесь, а за границей. Впрочем, я уволился довольно быстро.

— И служили в черногорской армии?

— Да, но несколько позже, хотя тоже еще в юности. В те дни я свято верил, что всех жестоких и злых людей следует убивать, и даже умертвил нескольких сам. Тогда, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, я, между прочим, чуть не умер от голода.

Фэбээровец испуганно встрепенулся:

— Извините, не понял.

— Я сказал, что чуть не умер тогда от голода. Вторглись австрийцы, и мы сражались против пулеметов голыми руками. В принципе, я был ходячим мертвецом, ведь человек не может жить, питаясь одной сухой травой. Но я все-таки выжил. По-естественно-человечески мне довелось, только когда Соединенные Штаты вступили в войну и я отмахал пешком добрых шестьсот миль, чтобы завербоваться в американский корпус. По окон-

чании войны я вернулся на Балканы, развеял там еще одну иллюзию и окончательно возвратился в Америку.

— Hvala Bogu, — весело вставил я.

Шталь ошарашенно вскинул голову:

— Простите? Вы черногорец?

— Не совсем. Я родом из Огайо. Огайец, так сказать, чистейших кровей. Это у меня нечаянно вырвалось.

Вулф не удостоил меня вниманием и продолжил:

— Мистер Шталь, другому человеку я сказал бы, что не потерпел бы попытки копаться в моем прошлом. Но вы для меня не кто попало. Вы — представитель ФБР. В сущности, вы — сама Америка, соблаговолившая посетить мой кабинет, чтобы кое-что обо мне разузнать. Я глубоко благодарен своей стране за некоторые любезные мне традиции, которые она до сих пор ухитрялась не растерять... Кстати, хотите пропустить стаканчик американского пива?

— Нет, благодарю вас.

Вулф нажал на кнопку, откинулся в кресле и хрюкнул, затем изрек:

— Теперь, сэ, отвечу на ваш вопрос. Нет, я не представляю интересы какого-либо иностранного ведомства, компании, частного лица, организации, диктатора или правительства. От случая к случаю мне, как профессиональному сыщику, самому приходится наводить справки по запросам из Европы, главным образом от моего английского коллеги мистера Этельберта Хичкока из Лондона. И время от времени он делает то же для меня. В данный момент я ничего не расследую. И я не работаю ни на мистера Хичкока, ни на кого-то другого.

— Понятно. — Кажется, Шталь верил каждому его слову. — Что ж, вы объяснились вполне определенно. Но вот насчет ваших прежних походов в Европе... Если можно спросить... Словом, вы знаете некоего князя Доневица?

— Знал очень давно. По-моему, он сейчас при смерти. В Париже, кажется.

— Я не его имею в виду. А разве нет другого князя Доневица?

— Есть. Племянник старика Петера. Князь Стефан Доневиц. Если не ошибаюсь, он живет в Загребе. Когда я там был

в тысяча девятьсот шестнадцатом году, ему едва исполнилось шесть лет.

— А в самое последнее время вам не доводилось общаться с ним?

— Нет. Ни недавно, ни вообще когда-либо.

— Вы не посылали ему денег — ему лично, или через кого-нибудь из какой-либо организации, или, может, еще с какой-то оказией, которую он предоставил?

— Нет, сэр.

— Но ведь вы переводите деньги в Европу?

— Перевожу. — Вулф соорил гримасу. — Это мои собственные средства, которые я зарабатываю своим трудом. Я подерживал лоялистов в Испании. Иногда я посылаю деньги в... если перевести на английский, то это звучит как Союз югославской молодежи. Но все это, конечно, никак не связано с князем Стефаном Доневицем.

— Возможно. А как насчет вашей жены? Вы ведь были женаты?

— Нет. Женат? Нет! Это было... — Вулф заерзал в кресле, словно из последних сил сдерживал себя. — Сэр, мне крайне неприятно, но вы приближаетесь к той опасной грани, когда даже коренной и благочестивый американец может того и гляди послать вас к черту.

— Я бы, например, точно вас послал, — поспешил вставить я, — хотя индейской крови во мне лишь одна шестьдесят четвертая.

Фэбээровец улыбнулся и вытянул ноги.

— Думаю, — добродушно сказал он, — вы не станете возражать против того, чтобы изложить все, о чем мы беседовали, в письменном виде и расписаться.

— Если так нужно, пожалуйста.

— Очень хорошо. Итак, вы не представляете никакого иностранного ведомства, ни прямо, ни косвенно?

— Совершенно верно.

— Тогда это все, что нас интересовало. Пока, во всяком случае. — Он поднялся. — Большое спасибо.

— Не за что. До свидания, сэр.

Я проводил Шталя и лично распахнул дверь перед «самой Америкой», чтобы убедиться, что она непременно окажется по ту сторону двери. Вулф может сколько угодно миндальничать, но что до меня, то я не люблю, когда незнакомые личности суют нос в мою личную жизнь, не говоря уже о жизнях остальных ста тридцати миллионов американских верноподданных.

Когда я вернулся в кабинет, Вулф сидел, закрыв глаза.

— Вот видите, что получается, — упрекнул я его. — За последние три недели вы отказались от девяти дел, и все из-за того, что вам пару раз обломилось по жирному куску, в результате чего счет в банке непривычно распух. Я ведь еще не считаю эту бедненькую черногорку, подруга которой питает слабость к бриллиантам, вполне, на мой взгляд, естественную. Вы огульно отказались расследовать все дела, что вам в последнее время предлагали. И вот пожалуйста! Америка стала вас подозревать, ведь это так не по-американски — не делать деньги всякий раз, когда выпадает возможность. Вот она и напустила на вас фэбээровскую ищейку, и теперь, видит Бог, вам придется заняться расследованием уже ради собственной шкуры! Вам не нужно...

— Заткнись, Арчи! — Вулф открыл глаза. — Ты вообще жалкий вун. С каких это пор в твоих жилах потекла индейская кровь?

На счастье Вулфа, прежде чем я подобрал реплику, которая сразила бы его наповал, явился Фриц и сообщил, что ланч готов. Я уже знал, что Фриц приготовил фаршированные утиные грудки, а потому решил пока пощадить распоясавшегося бездельника, и стрелой помчался на кухню.

ГЛАВА 2

Во время трапез Вулф, как правило, не только помалкивает о делах, но и вообще выкидывает из головы все, что хоть мало-мальски относится к работе. Однако в этот день, похоже,

интерес к еде уступил у него место каким-то мыслям. Я, правда, хоть убейте, не понимал, о каких делах он мог ломать голову, если и дела-то никакого у нас тогда не было и в помине. Вулф лихо расправился с остатками трех уток — вчера с нами ужинал его друг Марко Вукчич, — с привычной ловкостью разрывая кости и вгрызаясь в сочную мякоть отполированными белоснежными зубами, однако выглядел он довольно рассеянным. В связи с этим ланч несколько затянулся. Было уже почти два часа, когда мы покончили с кофе и вперевалку вернулись в кабинет. Вперевалку, разумеется, шел Вулф, тогда как я вышагивал очень даже бодро.

В кабинете, вместо того чтобы заняться каталогами орхидей или какими-либо иными забавами, Вулф откинулся в кресле и, сплетя пальцы поверх необъятного вместилища уток, закрыл глаза. В беспамятство, правда, не впал. За тот час, что он так просидел, я несколько раз видел, как он втягивает и выпячивает губы, из чего заключил, что его мозг напряженно трудится.

Неожиданно Вулф разлепил губы и заговорил:

— Арчи, почему ты сказал, что эта девушка хотела позаимствовать книгу?

Выходит, мысли его были прикованы к черногорским барышням.

— Да это я так просто, — небрежно махнул я рукой, — поддразнить вас решил. Пустое.

— Нет. По твоим словам, она спрашивала, не читаю ли я эту книгу.

— Да, сэр.

— И не штудирую ли ее.

— Почти. Да, сэр.

— И не читаешь ли ее ты.

— Да, сэр.

Он чуть приоткрыл глаза:

— Ты догадался, что таким образом она старалась выяснить, не взбредет ли в голову кому-нибудь из нас заглянуть в ближайшее время в ту книгу?

— Нет, сэр. Мне было не до того. Я сидел за столом, а она стояла рядом, такая изящная и соблазнительная, что я с головой погрузился в созерцание ее форм.

— Это рефлекс, за который отвечает не головной мозг, а спинной. Значит, ее заинтересовала «Объединенная Югославия» Хендерсона?

— Да, сэр.

— А где была эта книга, когда ты вернулся в кабинет?

— На полке, на своем обычном месте. Мисс Ловчен сама ее туда поставила. Для черногор...

— Пожалуйста, достань ее.

Я пересек комнату и, сняв с полки книгу, протянул ее Вулфу. Тот заботливо протер переплет ладонью — он всегда так поступает, обращаясь с книгами, — затем повернул томик лицевой стороной к себе, крепко сжал и, подержав так некоторое время, резко отпустил. Открыв после этого книгу примерно в середине, он извлек из нее сложенный листок бумаги, засунутый между страницами, развернул и принялся читать. Я сел и крепко закусил губу, от души желая, чтобы это помогло мне удержать слова, которые так и рвались наружу. Признаться, задача оказалась не из легких.

— Так оно и есть, — самодовольно произнес Вулф. — Прочитать тебе, что здесь написано?

— Сделайте одолжение, сэр.

Вулф кивнул и начал нести такую тарабарщину, что у меня волосы встали дыбом. Зная, что он только того и ждет, чтобы я прервал его, прося о пощаде, я набрался терпения и снова прикусил губу. Когда он наконец остановился, я хмыкнул:

— Все это прекрасно, но признаться мне в любви она вполне могла и лично, вместо того чтобы изливать душу на бумаге, да еще и прятать между страницами книги. Особенно меня пленили последние слова о том, какой я умный и привлекательный...

— И уж тем более ей не стоило писать такое по-сербско-хорватски. Арчи, тебе знаком этот язык?

— Нет.

— Тогда, пожалуй, я переведу тебе, что здесь написано. Документ датирован двадцатым августа тысяча девятьсот тридцать восьмого года, а написан в Загребе, на гербовой бумаге князя Доневиича. В нем говорится примерно следующее: «Предъявитель сего, моя жена, княгиня Владанка Доневиич, сим уполномочена безоговорочно действовать и высказываться от моего имени, удостоверить своей подписью, которая следует ниже моей собственной, мои имя, честь и достоинство во всех финансовых и политических делах, имеющих отношение ко мне и ко всей династии Доневиичей, и прежде всего — в поставках боснийского леса и размещения некоторых кредитов через нью-йоркскую банковскую компанию „Барретт и Дерюсси“. Я сам и от имени всех заинтересованных лиц ручаюсь за ее преданность делу и добропорядочность». — Вулф сложил документ и накрыл его ладонью. — Подписано Стефаном Доневиичем и Владанкой Доневиич. Подписи нотариально заверены.

Не спуская с него глаз, я сказал:

— Очень интересно. Он даже не пожалел двадцати центов на нотариуса. Меня вот что волнует. Откуда вы знали, что в книге спрятан этот документ?

— Я ровным счетом ничего не знал. Но то, что она у тебя выспрашивала...

— А-а, конечно. Ее расспросы разожгли ваше любопытство. Не заливайте! Что же, по-вашему, эта девица — балканская княгиня?

— Не знаю. Стефан женился всего три года назад. Кстати, о его свадьбе я узнал из этой самой книги. И хватит допекать меня, Арчи! Я уже сыт по горло твоим зубоскальством. Мне и так не нравится вся эта история.

— Что же именно вам не нравится?

— Ничего. Терпеть не могу международные интриги! Ничего грязнее в мире нет. Я весьма поверхностно представляю себе ту кутерьму, которая сейчас творится на Балканах, но даже поверхностному наблюдателю видно, как разъедают страну личинки коррупции. Регент, правящий в Югославии, лице-

мерно ищет дружеского расположения отдельных народов. Сам он из династии Карагеоргиевичей. Князя Стефана, ставшего после смерти старого Петера главой рода Доневичей, тоже используют определенные иностранные круги, а он сам прибегает к их помощи для достижения своих честолюбивых замыслов. И вот полюбуйся! — Вулф хлопнул по бумаге ладонью. — Что они протащили в Америку! Если только эта бумажка поможет с ними разделаться, я так и поступлю!

Вулф запыхтел и в сердцах сплюнул. За все годы, что я прожил с ним под одной крышей, мне лишь раз довелось видеть подобную выходку с его стороны.

— Тьфу, пропасть! Поставки боснийского леса от Доневи-ча! С той самой минуты, как я увидел эту девицу и услышал ее голос, я сразу понял, что рядом поселился дьявол. Чтoб им всем провалиться и гореть в геенне огненной! Пересечь океан, ступить на американский берег, заявиться сюда, в мой кабинет, да еще опоганить мою книгу этой мерзостью!..

— Успокойтесь! — Я попытался урезонить не на шутку разбушевавшегося Вулфа. — Вдохните глубоко три раза. В конце концов, откуда вы знаете, что именно она сунула сюда эту бумажку? С тех пор как вы в последний раз брали эту книгу с полки, здесь перебивало столько народа, что кто-то запросто мог...

— Кто? Когда?

— Господи, да откуда я знаю! Ну вот, например, Вукчич, он ведь тоже черногорец...

— Пф! Вздор!

— Ну хорошо, — махнул я рукой, — пусть это происки нашей черногорки, пусть даже она и есть та самая зловредная и ужасная балканская княгиня — дальше-то что? По-вашему, она связалась здесь со всяким сбродом и теперь к нам заявится мистер Шталь с ордером на обыск, найдет эту бумажку, закует вас в кандалы и заточит в темницу? Или она провокатор? Подсадная утка? А может, вы полагаете, что она стянула у настоящей княгини эту писульку и привезла ее сюда, чтобы выгодно загнать?..

— Арчи...

— Да, сэр.

— Напиши на конверте: «Мисс Карле Ловчен, школа Николы Милтана». Адрес уточни в телефонном справочнике. Запечатай в конверт эту бумагу и немедленно отправь по почте. Я не желаю, чтобы она оставалась здесь ни минуты. Мне это ни к чему. Я, конечно, пересылаю кое-какие деньги этим отчаянным сорвиголовам-черногорцам. Уж мне-то хорошо известно, какво храбриться на пустой желудок, но, в конце концов, это их головная боль, а не моя. Это первое... Что там, Фриц?

В кабинет вошел Фриц Бреннер, отмерил положенные три шага и доложил:

— Сэр, вас хочет видеть некая молодая особа, мисс Карла Ловчен.

Я поперхнулся. Вулф прищурился.

Фриц выжидательно застыл. Ему пришлось простоять так добрых две минуты. Вулф все это время сидел неподвижно, как скала, сложив бантиком губы, лоб его изрезали хмурые складки. Наконец он выдал:

— Где она?

— В гостиной, сэр. Я ведь считаю...

— Закрой дверь и подойди сюда. — Фриц повиновался, а Вулф тем временем повернулся ко мне. — Напечатай на конверте адрес Сола Пензера и наклей марку.

Я достал пишущую машинку и выполнил указание. Наклеивая на уголок конверта марку, я бросил:

— Заказным или срочным?

— Ни тем ни другим. Еще одно достоинство Америки: почту у нас доставляют быстро и не вскрывают. Дай-ка мне конверт. — Он сунул в него сложенный документ, лизнул оклеенный край и надавил на него. — Фриц, отправляйся к ближайшему почтовому ящику, что стоит на углу, и брось письмо. Сразу же, не мешкай!

— Молодая особа...

— Мы ею займемся.

Фриц удалился. Вулф дождался, пока не хлопнула парадная дверь, после чего обратился ко мне:

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ МОЙ ТРУП <i>Перевод А. Санина и О. Траубенберг</i>	5
ЗАВЕЩАНИЕ <i>Перевод Е. Копосовой</i>	233
ЧЕРНЫЕ ОРХИДЕИ Черные орхидеи. <i>Перевод А. Голосовской</i>	426
С прискорбием извещаем. <i>Перевод М. Гресько</i>	516

Стаут Р.

С 78 Черные орхидеи : романы, повести / Рекс Стаут ; пер. с англ. А. Санина, О. Траубенберг, Е. Копосовой и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 608 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-14531-3

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

В убийстве подозревают приемную дочь Вулфа, и он вынужден взяться за расследование... Родственники не согласны с завещанием, по которому практически все состояние погибшего миллионера должно перейти к его любовнице, однако вскоре выясняется, что миллионер убит, а любовница задушена... Два дела Ниро Вулфа связаны с черными орхидеями. В первом он готов доказать невиновность цветовода, но в качестве гонорара просит все выращенные тем черные орхидеи, а во втором посылает их на похороны женщины, чье убийство расследует...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

ЧЕРНЫЕ ОРХИДЕИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Светлана Федорова, Анна Быстрова

Подписано в печать 15.07.2020. Формат издания $60 \times 90 \frac{1}{16}$
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 38.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ILD-22791-01-R